

Высокой степенью интолерантности и явно выраженной речевой агрессией пронизан полилог английских тинэйджеров, направленной не только на родственные англоязычные этносы Шотландии и Уэльса, но и на чужеродные этносы (независимо от места их проживания, цвета кожи и вероисповедания), ставшие, по мнению тинэйджеров, причиной

негативных социально-экономических перемен в Англии. В качестве причин, вызывающих резкую неприязнь молодежи, называются базовые социокультурные традиции, обычаи и предпочтения не-англичан, резко негативно оцениваемые через рефрен *'I hate 'em all'*, пейоративную лексику и оскорбительный смех.

Дубровская Т.В.

СУДЬЯ: РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Статус судьи. Судебный дискурс является примером институционального дискурса и понимается далее как вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, который рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов. Судебный дискурс характеризуется четким распределением ролей при статусном неравенстве участников, что обусловлено не только нормами процессуального общения, но и различиями их фоновых знаний и социально-культурных уровней. Обладателем самого высокого социального статуса в зале суда является судья, которому отводится ключевая роль в реализации функции судебного дискурса, а именно в урегулировании правового конфликта и изменении правовой ситуации. Главенствующий статус судьи в судебном дискурсе конструируется его речевым поведением, которое определяет ход судебного процесса, с одной стороны, и находится под некоторым влиянием речевого поведения других участников процесса, с другой стороны. Анализ речевого поведения судьи помогает понять не только особенности взаимодействия в институциональной обстановке, но и в более общем социально-правовом пла-

не – принципы функционирования института судебной власти.

Грани языковой личности судьи. В речевом поведении судьи проявляются несколько граней его языковой личности, которые реализуются в различных ситуациях в ходе судебного процесса: судья-рефери, судья-участник драмы, судья-лингвист, судья-обычный человек. Каждая роль соотносится с определенным видом деятельности и целями, которые достигаются средствами языка. Деятельность судьи-рефери связана с обеспечением состязательности судебного процесса, легитимной процедуры и равноправия сторон в судебных заседаниях, реализации всех нормативно закрепленных принципов отправления правосудия. По замечанию С. Филипс, влияние судьи на ход процесса имеет, главным образом, форму контроля речи других участников [Philips, 1998: 89]. Контроль и структурирование судебного процесса со стороны судьи реализуются за счет широкого применения метакоммуникативных средств языка, разные комбинации которых организуют судебный дискурс как институционально регламентированный процесс. Судья-участник драмы находится в центре судебного процесса как драматического действия, насыщенного вербальными и невербальными ритуальными

элементами. Общая обстановка в зале суда, создающая ритуализированное пространство, одежда судей и их символическая удаленность от других участников процесса образуют невербальный компонент судебной драмы. Вербальная сторона драмы состоит в использовании судьей и другими участниками судебного заседания строго регламентированных обращений, устойчивых речевых формул, лексики с официально-деловой стилистической окраской и юридической лексики, сложного синтаксиса. Судья-лингвист проявляет особое внимание к лингвистическим аспектам судопроизводства, поскольку перед ним стоят задачи, включающие толкование показаний участников процесса, текстов законов, других документов, влияющих на ход судебного разбирательства, решение вопроса о назначении лингвистических экспертиз и рассмотрение их результатов. Эта сторона деятельности предполагает обращение судей к разным аспектам языка: семантике слов и выражений, ситуативному и лингвистическому контексту, грамматике, строению текстов. Несмотря на институциональный характер судебного дискурса, в ряде ситуативных контекстов речевое поведение судьи демонстрирует его индивидуальность. Личные отношения между судьей и другими участниками процесса, влияние на судью посторонних мнений, его личные убеждения, эмоциональное состояние и некоторые черты характера получают отражение в речевом поведении судьи-обычного человека.

Различные стороны личности судьи могут выступать согласованно либо находиться в конфликте. Судья-лингвист или судья-участник драмы помогают судье-рефери осуществлять правосудие. При столкновении различных сторон личности судьи одна из них оказывается в доминирующем положении. К примеру, отказываясь обсуждать не представляющие важности лингвистические детали, судья проявляет себя как рефери, контролирующий ход процесса, а предлагая прокурору выступить сидя, судья подходит

к ситуации с человеческим сочувствием, отодвигая на задний план ритуальные условности. Доминирование индивидуальных качеств над другими гранями личности судьи нарушает легитимность процесса. Наряду с перечисленными гранями в языковой личности судьи выделяется еще одна – судья-публичная фигура, но она реализуется вне зала суда, в рамках медийных социальных практик.

Жанры. Поскольку судебному дискурсу присущи ритуальность, трафаретность и обусловленность нормативными процессуальными актами, повторяющиеся типичные ситуации закрепляются в типичных жанровых формах, которые воплощают разные стадии судебного процесса. Судья является участником большинства судебных жанров, хотя степень участия варьируется в зависимости от жанра, его диалогического или монологического характера, и национально-культурных особенностей устройства судебной системы. В жанрах допроса, напутственного слова, решения и приговора раскрываются все грани языковой личности судьи, но во всех жанрах наиболее выраженный характер имеет грань «судья-рефери». В каждом из жанров речевое поведение судьи имеет свою функциональную специфику.

В диалогическом жанре допроса участие судьи реализуется в применении по отношению к участникам допроса тактик, регулирующих их взаимодействие в институциональных рамках и направленных на обеспечение равносправедливых условий для обеих сторон. Функция судьи в напутственном слове присяжным – не оказывая давления на присяжных, побудить их критически подойти к анализируемым фактам, а также дать им необходимые инструкции относительно применения закона к конкретному делу. Судебное решение и приговор можно считать наивысшими проявлениями деятельности судьи как рефери. Жанр приговора не только устанавливает наказание, но и выносит порицание в адрес правонарушителя, тем самым определяя отношение к преступным деяниям в обществе.

Таким образом, в жанрах судебного дискурса судья регулирует речевое взаимодействие в ходе заседания, отношения между участниками процесса и законом, а также, в более широкой перспективе, морально-правовые отношения в обществе.

Для каждого жанра характерны свои тактические средства и языковые формы. В жанре допроса востребованы метакоммуникативные и модальные конструкции, императивы, перформативы, различные типы вопросов для уточнения фактической информации. Для жанра напутствия присяжным характерны конструкции со значением долженствования, запрета, разрешения, императивные конструкции. При суммировании обстоятельств дела велика роль цитирования и текстообразующей метакоммуникации. В жанрах решений и приговоров незаменимы средства аргументации и мотивирования решения, ссылки на законы и прецеденты, перформативы при назначении наказания. Институциональная обусловленность жанров речи судей проявляется в их четкой структуре, причем структуры русских и английских жанров обнаруживают значительное соответствие.

Все жанры связаны межжанровыми и интертекстуальными связями между собой и с другими жанрами юридического дискурса, вместе образуя единое дискурсивное пространство, которое носит незавершенный характер, поскольку постоянно обновляется за счет появления новых законодательных актов, судебных решений, апелляций и т. д.

Национально-культурная специфика.

Речевое поведение судей в судебном дискурсе имеет национально-культурные особенности, обусловленные устройством и функционированием судебных систем, существующими традициями, национальным менталитетом. Например, судебные решения и приговоры английских судей обнаруживают значительную диалогичность и тяготение к стилю устной речи, тогда как отечественные решения и приговоры очень шаблонны. Такое различие можно объяснить существованием в течение

долгого времени английских судебных решений только в устной форме и сохранением до наших дней возможности существования прецедента в устной форме [Tiersma, 2007]. В целом английские судьи придерживаются официальных форм общения; в отличие от них российские судьи пользуются просторечной и даже жаргонной лексикой, применяют приемы интимизации при общении с непрофессиональными участниками процесса.

Принцип вежливости более последовательно реализуется в речи английских судей. Целый ряд средств вежливости, включая самоуничижительные ремарки, встречается только в речи английских судей. Особенностью английского судебного дискурса является также широкое использование метафор и развернутых метафорических систем, построенных на взаимосвязанных образах. Многие метафоры имеют ярко выраженную национально-культурную специфику, источник которой лежит в исторической и культурной среде. Принадлежность английских судей к высшему социальному классу, элите общества, их воспитание и образование находят выражение в общей высокой культуре речи.

Элементы треугольника «институциональные нормы – национальный менталитет – исторические традиции» могут вступать в противоречие друг с другом, причем традиции и характеристики национального менталитета не обязательно полностью нивелируются под давлением институциональных норм. Несмотря на смену в России в начале 21 века уголовно-процессуального законодательства и переход от инквизиционной системы к системе состязательной, российские судьи до сих пор остаются активными участниками судебных допросов, что свидетельствует о значительной силе традиции вплоть до нарушения институциональных норм.

В Англии сила традиции проявляется в сохранении прецедентной системы правосудия, в которой при принятии решения судьи опираются в большей степени на прецедентные случаи и собственное усмотрение, чем

на закрепленное в письменной форме законодательство, не содержащее готовых решений на все случаи. В силе прецедента проявляется традиционное доверие английского общества к судьям и их здравому смыслу.

Конфликт между институциональными нормами, регламентирующими беспристрастность судей, и характерными для русского речевого поведения оценочностью и стремлением к вмешательству просматривается в большом количестве оценочных высказываний российских судей.

В судебном дискурсе судья выступает как производитель речевых произведений разных жанров. В них он актуализирует себя как представителя социального института правосудия, который выполняет профессиональные обязанности, как отдельную личность со своим мировоззрением и характером, и как предста-

вителя лингвокультурной общности с типичными чертами коммуникативного поведения.

Литература:

1. Дубровская Т.В. Решение арбитражного суда как жанр судебного дискурса // Языки для специальных целей: проблемы, методы, перспективы. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. – С. 29–54.
2. Дубровская Т.В. Судебный дискурс как культурный феномен: национально-культурные особенности речи судей (на материале русских, английских и австралийских судебных заседаний) // Вопросы языкознания. – 2014. – № 2. – С. 76–88.
3. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.
4. Philips S. Ideology in the Language of Judges: How Judges Practice Law, Politics and Courtroom Control. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. – 205 p.
5. Solan L.M. The Language of Judges. – Chicago, London: University of Chicago Press, 1993. – 218 p.
6. Tiersma P. The textualization of precedent // Notre Dame Law Review. – 2007. – Vol. 82. – No. 3. – P. 1187–1278.

Митрохина Т.Н.

ДИСКУРС ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ

Дискурс проектирования политики: понятие, проблемное основание, специфика. Основу дискурса проектирования политики составляет термин «политический проект», который при оценке тех или иных политических событий используется широко и легально, обосновался весьма прочно. Используя данный термин, субъекты коммуникации – политики, журналисты, нередко обычные граждане говорят на одном языке и вполне понимают друг друга. Однако в зависимости от контекста политический проект разнообразно трактуется, наполняется неопределенным содержанием или вовсе не определяется. Нередко имеет место подмена понятий – многочисленные, существенно размытые в смысловом отношении интерпретации термина «политический проект» в содержательном отношении подменяются прогнозом, планом, моделью.

Оставляя обширную дискуссию относительно наполняемости термина различным содержанием за рамками данной статьи, определяем политический проект как предлагаемый к производству политический продукт, характеристики которого задаются представлением субъекта проектирования об идеале гео/политического будущего, целью, оформленной в рациональных терминах, ожиданием определенного эффекта от реализации проекта, объектами внешнего мира, на которых проект направлен, средствами и условиями, предполагаемым результатом, сроками, алгоритмом и каналами его реализации.

Одновременно руководствуемся определением дискурса как совокупности коммуникативных практик, интегрированных по единому проблемному основанию и свойственных определенным социальным группам. В данном